

АКТУАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ДИСКУССИЙ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

Л.В. Якушева,

*к.и.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления
Владимирского филиала РАНХиГС*

«Ускользающий мир» – так в конце 90-х годов XX века известный английский социолог Энтони Гидденс назвал состояние социальной реальности, которая ощутимо перетекала в постмодерн с характерным для этого процесса учащением и усложнением неопределенности, усилением хаоса, случайностей, альтернативностей развития. Мир принципиально иной социокультурной динамики действительно словно ускользает от человека: стремительные и беспорядочные социальные трансформации непредсказуемо фрагментируют его жизненный опыт и разрывают процесс познания, что неизбежно приводит к ощущениям тревоги, социальной дезориентированности и теоретической беспомощности. Из этих кризисных ощущений и сформировался постмодернизм как культурное выражение кризиса исчезающего общества модерна.

Сформировавшись как феномен искусства, постмодернизм уже к 80-м годам XX века проник и обосновался в научной мысли. Для его позиционирования в общественных науках характерно отрицание объективной социальной реальности, признание лишь личного социального опыта и собственных ощущений; непризнание методологических нормативов, утверждение интерпретационной, плюралистической и анархистской методологии, что воплотилось в крайнем субъективизме и агностицизме. С одной стороны, столь радикальный поворот в методологии познания расчистил теоретическое пространство для открытия в нем новых познавательных ресурсов, с другой – именно радикальный плюрализм и интерпретационная логика заводят социальное познание в тупик. В безграничном постмодернистском интерпретировании исчезает академическая объективность понятийно-категориальной базы, и в этих условиях поиск научной истины трансформируется в художественное творчество, которое выводит не на истину, а на поверхностные зарисовки или того хуже – на фантастические образы. В пределах постмодернистского плюрализма растворяются объективные критерии оценки и выбора: и вот уже высокое и низкое в

социуме почти неразличимы.

Поверхностное восприятие происходящих социальных изменений и характерная для постмодернизма неспособность выработать авторитетные обоснования этих изменений актуализировали проблему формирования у людей, особенно у молодых, высокой культуры мышления. Совсем недавно высокая культура мышления, то есть методологическая культура мысли, была прерогативой тех, кто посвятил себя науке или преподавательской деятельности. Сегодня, в условиях демократических перемен, когда в управление общественными процессами вовлекаются широкие слои граждан, в условиях переходного состояния общественной жизни, в условиях радикализации интерпретационной логики в политических и теоретических дискуссиях методологическая дисциплина познания приобретает факторное значение в личностном развитии каждого современного человека. Обостряет актуальность обозначенной проблемы и то обстоятельство, что современное общество переживает настоящий информационный бум. Огромные объемы информации просто сваливаются на современного человека. При этом люди не часто вспоминают, что информация – не есть знание. Чтобы извлечь из информации знание и не «заблудиться» в современном обществе, как раз и необходимо обладать методологической культурой познания.

Если в научном пространстве запредельные интерпретации своевременно корректируются, то в общественных дискуссиях методологические изломы становятся существенной помехой в осмыслении сложных современных социальных проблем для людей, далеких от научной деятельности. А если это проблемы особой социальной обостренности, то обозначенная ситуация создает питательную социальную почву для результативного прорастания в сознании масс манипуляций и провокаций современной политической инженерии.

В молодежных дискуссиях по вопросам национальной проблематики зачастую можно на-

блюдать, как быстро обсуждение актуальных вопросов межнациональных отношений начинает разводить его участников друг от друга, одновременно уводя всех от познавательной цели. Мало того, что реальность межнациональных отношений в переходном состоянии общества сложна и обострена противоречиями и конфликтами, отражение и постижение этой реальности затруднено тем, что использующиеся в дискуссиях некоторые понятия утратили академическую объективность.

Так, к примеру, понятие нации используется сегодня в трех различных значениях.

В первой интерпретации этого понятия нация определяется как исторически сложившееся сообщество людей на основе общности территории, экономического уклада, системы внутриполитических связей, языка, а также культуры и психического склада, проявляющихся в общегражданском сознании и самосознании. В данной интерпретации речь идет о государственной форме межэтнической консолидации. В основе этой интерпретации лежат политические критерии. Слово «нация» в этом понимании полностью совпадает со словом «государство» как «согражданство». В этом содержании понятие нации звучало в России уже в XVIII веке, когда речь шла о «большой многонародной русской нации». Преимущественно в таком понятийном значении слово «нация» используется в современной западной социологии, политологии, социальной и политической практике (например, Организация Объединенных Наций, т.е. государств). Слово «nation» во французском и английском языках употребляется именно в этом содержании. В таком смысловом значении понятие нации постепенно проникает и в отечественную теорию, утверждается в современной государственной концепции российской нации.

Вторая интерпретация рассматриваемого термина сложилась и распространилась в западной литературе, в основном политологического и публицистического содержания. В ней подчеркивается, что нация – это общегражданская общность, сформированная целенаправленными усилиями государства, для которого характерно наличие современных демократических институтов и прежде всего – гражданского общества.

Заметим, что, если в первой интерпретации всякое, в том числе многокультурное, многоэтническое государство есть нация, то во второй уже не всякое государство может быть квалифицировано как нация, а лишь такое, в котором наличествует важнейший демократический признак – зрелое гражданское общество. Такая трактовка, скорее всего, возникла в русле геополитического соперничества и новых геополитических проектов Запада по окончании «холодной войны». Не случайно в западных публикациях 90-х годов XX века неоднократно подчеркивалось, что Россия

даже не нация, так как в ней не сформировалось гражданское общество. При этом в тех же самых текстах могли разместиться утверждения о многонациональной России, и народы, входящие в состав России, именовались без всяких условий нациями, причем нуждающимися в государственном самоопределении. Непросвещенное сознание по прочтении подобных текстов остается невозмутимым: «а что? – в России современное гражданское общество только формируется, в России действительно проживает множество различных народов... все правильно». Методологически несориентированное сознание и не способно уловить, что в одном и том же тексте понятие нации используется в принципиально отличающихся содержаниях: там, где России отказано в национальном статусе, – в значении государства с развитым гражданским обществом, то есть по политическому критерию; там же, где входящие в состав народа России национальности, хотя и не располагающие развитой демократической атрибутикой, без всяких колебаний именуются нациями – уже в другом значении, в значении этноса, то есть по критерию традиционной-культурной идентичности. В таком логическом изломе неподготовленному массовому сознанию трудно уловить, что ему навязывают опасную идею, ведущую к нарушению национальной целостности российского государства.

В третьем интерпретационном варианте нация как раз и определяется по этнической идентичности, то есть в этой трактовке содержания понятий «нация» и «этнос» полностью совпадают.

На постсоветском пространстве образовалось много государств, титул которым дали соответствующие «огосударствленные этносы», называемые еще «титульные этносы». Исходя из этнической интерпретации понятия «нация», в Казахстане, например, где проживают не только казахи, нацией объявляются только они, «титульный этнос». Представители же других этнических общностей попадают таким образом в разряд национальных меньшинств. А казахи, живущие в Молдавии или Литве, уже не являются представителями нации, они тоже в разряде национальных меньшинств. Как видим, такая трактовка нации разобщает не только многоэтнические народы, но и людей одной этнической принадлежности. Кроме того, в этой интерпретации просматривается вольное или невольное стремление к ранжированию общностей этнического и государственного группирования, будто бы этнос – это ниже, а вот огосударствленный этнос – это уже выше. Создав государство, этнос не перестанет быть этносом. Этнос и государство – не однопорядковые, не сопоставимые явления. В основе каждого из них – различные социальные критерии: в первом случае – традиционно-культурный критерий, во втором – политический. Эти общности некоррек-

тно сравнивать, ранжировать, как сравнивать и ранжировать, например, семейную общность и партийную.

Принципиальное разнообразие интерпретационных содержаний понятия «нация» обусловило утрату академической объективности и еще одним важным понятием – «национализм». В современных общественных дискуссиях часто национализм приравнивают к патриотизму, а порой и возвышают над ним.

Национализм сформировался изначально как политическое явление: как психология, идеология и политическая практика признания верховенства национального фактора в общественной жизни и предпочтения одного национального образования другим. Именно национализм способствует переводу социальной напряженности в плоскость межнациональных отношений, именно национализм рационализирует и политизирует проявления этничности.

В трудах отечественных ученых национализм трактуется преимущественно как негативное явление, вносящее в общественную жизнь противостояния, агрессию, раздоры, войны, страдания и гибель людей. И в официальной оценке национализм рассматривается как явление, угрожающее национальной безопасности. Вместе с тем и в России, и в других странах имеет место интерпретация национализма вне нормативных оценок: как принципа демократического движения за национальную независимость, за обеспечение совпадения этнических и государственно-политических единиц. В таком отношении к национализму содержится существенное методологическое заблуждение. Здесь происходит смешение демократического содержания освободительных движений с национальными формами мобилизации в них людей. На основе такого смешения социально благое общедемократическое содержание национально-освободительных движений незаметно сводится к сущности национализма. Если индуктивным методом проверить данное суждение, то четко проступает принципиальное отличие одного явления от другого. Проверим. Сущность национализма в том, что он базируется на признании верховенства этнического, национального фактора над социальным в жизни людей. Освободительные же движения в качестве своих задач выдвигают решение наиболее острых социальных проблем (освобождение колоний от угнетения и эксплуатации со стороны метрополии; освобождение регионов от диктата центральных бюрократических ведомств, как это происходило в бывшем СССР и т.п.), что и составляет содержание этих движений. Совершенно четко проявляется полное несовпадение смысловых содержаний национально-освободительных движений и национализма. Конечно, национализм вполне может развиваться и в русле

освободительных движений, но при этом сущность его останется неизменной. И в этой социально опасной сущности невозможно разглядеть хоть какое-нибудь благое начало. Национализм несовместим с демократией. Он многолик, и, как всякому политическому явлению, ему присуще стремление рядиться в «белые одежды»: то упрямится за демократические лозунги освободительных движений, то выдаст себя за патриотизм.

Патриотизм же, в отличие от национализма, исторически возник как социально-психологическое явление: как комплекс чувств и социальное поведение, основанное на любви к своей земле, своему отечеству, своему народу, на уважении к другим народам и культурам. Ему чужды противостояния и конфронтации по национальному признаку, патриотическая мобилизация людей на массовые действия возможна лишь в условиях реальной угрозы их народу и отечеству. Поэтому различные политические организации и стратегии под патриотическими лозунгами редко когда удаются их идеологам.

В общественных дискуссиях при обсуждении межнациональных конфликтов в миграционной сфере почти всегда кем-нибудь акцентируется психологическая составляющая и сопутствующее ей понятие «ксенофобия». То методологически важное обстоятельство, что специальных, обособленных национальных связей, отношений и взаимодействий ни в обществе, ни в природе не существует, просто игнорируется. Национальные отношения, связи и взаимодействия только и могут быть осуществлены и проявлены в отношениях социальных: экономических, политических, территориальных, культурных, стратификационных и т.д. Стало быть, по своему содержанию национальные отношения, в том числе и их конфликтные формы – суть отношения социальные. Межнациональные конфликты происходят тоже по поводу экономических, политических, стратификационных, территориальных, культурных и других социальных проблем и противоречий. Межнациональными они определяются тогда, когда их субъектами являются представители разных национальностей или государств, когда в их процессе решаются или возникают проблемы существования, развития, обеспечения безопасности государств и народов. Неудивительно, что возникают конфликты в условиях, когда, например, в строительном бизнесе рост прибыли формируется, кроме прочего, и за счет сбрасывания миллионов мигрантов в почти рабское существование – проблема исключительно социальная. И инструменты ее решения социальные – социально-экономические, управленческие, правовые, этические. Очевидно, что есть смысл в понятие социальной ответственности бизнес-сообщества включить строгую ответственность за формирование на предприятиях и в организациях, где

используется труд мигрантов, таких трудовых отношений, связей и взаимодействий, которые бы не создавали угрозы социальной стабильности общества. Рациональным менеджерам и участникам дискуссий по поводу национальных проблем следует знать, что в проявлениях этничности нерациональные (душевные, эмоциональные) побуждения действительно играют особую роль. Но они вторичны. И это абсолютно объективное обстоятельство. Проявиться же в коллективных переживаниях взрывом всех этих побуждений этничность может только в неблагоприятных социальных условиях. Поэтому межнациональные отношения всегда должны находиться в режиме управляемости. Важнейшими факторами успеха в этой работе могут быть только достойные социально-экономические условия жизни и труда для

всех работников, равноправие, социальная справедливость и высокая нравственная культура.

В итоге отметим, что разночтения характерны для современной интерпретационной логики. Это сегодня просто нужно знать. А подчеркнуть есть смысл то, что в общественных дискуссиях по обостренно актуальным проблемам очень важно внимательно вслушиваться и анализировать, в каких содержаниях и смыслах участники дискуссии используют те или иные понятия, уметь обнаруживать в предлагающейся логике аргументирования изломы, методологические заблуждения, ошибки и небрежности. Сориентирует в этом методологическая дисциплина мысли, а модное теперь кокетство радикальным мнением может увести модников далеко от истины.